

Д. Ж. БОШКОВИЧ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ЮГОСЛАВИИ
ПЕРЕД НОВЫМИ ПРОБЛЕМАМИ***

Если бросить ретроспективный взгляд на развитие византийской археологии в Югославии, то становится очевидным, что результаты, которые были достигнуты в течение последних лет, отнюдь нельзя назвать незначительными. Различные научные учреждения страны, такие как Институт археологии Сербской академии наук, университеты, музеи, учреждения по охране исторических памятников — проделали большую работу по археологическим раскопкам, научным исследованиям, по изучению и сохранению различных памятников, относящихся к периоду от поздней античности до эпохи турецкого господства на Балканах. И хотя материалы, которые были при этом получены, опубликованы лишь частично, а в своем большинстве все еще находятся в процессе изучения или только подготавливаются к печати, их обилие ставит перед археологической наукой в Югославии ряд новых проблем, или — лучше сказать — проблем уже известных, но рассматриваемых под другим углом зрения. Большинство этих проблем относится скорее к области синтеза, чем к области анализа. Поэтому нужно теперь установить несколько иное соотношение между методами синтеза и анализа по сравнению с тем, которое существовало у нас длительный период времени, когда в наших работах явно преобладал аналитический метод. С другой стороны очевидно, что использование метода синтеза приведет нас к установлению более тесной связи с науками, более или менее близкими археологии, как-то: с политической, экономической и культурной историей, историей искусства, этнографией, этнологией, филологией и т. д.

В области византиноведения это сотрудничество археологии, с ее методами изучения материальной и культурной жизни человека в прошлом, с другими науками может дать более или менее точные ответы на целую серию существенных вопросов, которые возникают при рассмотрении уже накопленных археологических материалов.

Остановимся на некоторых из этих вопросов, по нашему мнению, наиболее важных.

В эпоху образования византийского государства территория Балкан была уже достаточно наводнена римлянами. Но эффективная романизация этих районов была далеко не закончена. Напротив, все еще сохранялось резкое различие между порядками крупных римских административных, политических и военных центров и все еще живыми и сильными корнями местной традиции — иллирийской, дакийской, фракийской, дарданской и т. п. Между этими двумя укладами жизни, этими двумя типами

---

* Написано в Археологическом институте Сербской академии наук в Белграде в августе 1955 г.

организаций общества все еще шла внутренняя борьба, осложненная еще более распространением христианства. Но этот вопрос впрочем относится скорее к области античной археологии и истории. Византийскую же археологию интересует проблема перехода этих римских административных территорий — с их столь различной внутренней структурой — в административную, экономическую, политическую и культурную систему византийской феодальной империи.

Переход этот имел своей причиной и результатом не только изменение внешних форм, но также еще большее усложнение внутренней жизни страны. При различии местных условий он совершался в каждом районе иначе, чем в другом. Вопрос состоит в том, чтобы выяснить — как именно? Как это можно судить по системе городских поселений, по планировке жилых домов, по столь разнообразной структуре церквей (с их атриумами особенно разнообразной формы), которые сменяют собою как античные храмы, так и театры и амфитеатры, находящиеся, например, в Стоби, Царичине Граде (Jusiniana Prima?), в Нише (Naissus), в Гамзиграде и в Дуклее (Dioclea), характерные черты разных областей, нередко при этом также весьма индивидуальные, позволяют сделать вывод о том, что процесс, который развертывался в IV и в VI вв. в этих областях, был независимым. Это обстоятельство, а также большое количество и богатство римско-византийских городских центров на территории Македонии и Сербии, так же как и в Болгарии, заставляет нас поставить вопрос: в какой степени жизнь, протекавшая на Балканах в эту эпоху столь бурно, жизнь, которая нашла столь яркое отражение в материальной культуре, в архитектуре и искусстве, в какой степени эта жизнь испытала влияние больших центров Византии и Востока, и — с другой стороны — в какой степени сама она повлияла на формирование материальной и духовной культуры и искусства Византии? Наряду с античной, эллинистической и римской традицией и живым влиянием Востока, и Балканы, видимо, были одним из мощных источников, из которых Византия черпала свои силы.

Дальнейшие раскопки, которые будут продолжаться в упомянутых уже выше местностях, как и во многих других, должны дать более точный ответ на этот вопрос.

Не менее интересна проблема образования первых славянских государств на Балканах и связанный с ней вопрос о формировании славянской культуры в тех же районах.

Славяне наводнили эти территории и впитали в себя остатки туземного населения с его нравами, традициями и культурой. Многочисленные римско-византийские центры, наполовину покинутые своими жителями, были уничтожены и срыты, но в то же время вновь прибывшие поселенцы обосновываются в развалинах этих городов и строят там свои новые жилища. Это доказывают раскопки, ведущиеся в Стоби, Царичине Граде и Гамзиграде. На руинах античной жизни и античной культуры пускает корни и развивается новая славянская культура, которая в то же самое время впитывает в себя отдельные элементы римско-византийской культуры, переплавляя их вновь в соответствии с местной, главным образом славянской традицией.

Этот процесс достигает своей зрелости в основном в эпоху распространения христианства среди славянских племен на Балканах. Для Византии и Рима христианизация славян являлась несомненно политическим делом большой важности. Поселение и укрепление славян на Балканах было совершившимся фактом, конкретной действительностью, изменить которую уже нельзя было никакой военной силой. Перед Константинополем и Римом вставал вопрос: или иметь славян постоянными врагами у своих

ворот, или поработить их во что бы то ни стало, или же, если бы последнее оказалось невозможным, сделать из них по крайней мере послушных союзников. Создание христианской церкви как организации идеологической и политической давало наиболее благоприятные средства для достижения этой цели. Поэтому и Византия и Рим приложили немало усилий для распространения христианства среди славян — причем влияние Византии распространялось через Болгарию и Македонию, а влияние Рима — через побережье Адриатического моря. Но результаты деятельности этих политических сил имели различное значение. С одной стороны, феодальная знать славян, которая нуждалась в более прочной опоре, благосклонно восприняла эти мероприятия Византии и Рима, надеясь закрепить свое еще неустойчивое положение, а с другой стороны, политика этих соперничающих стран возбуждала часто резкую оппозицию широких масс славянского населения. Становление у славян христианской церкви, являвшейся одним из орудий классового господства, не произошло без борьбы. Но эта политика была чревата опасностями для стран, стремившихся к господству над славянами. Вместе с временным подчинением Риму и Византии славянские племена получали возможность приобщиться к обширному наследию античной культуры, стабилизировать быстрее свою политическую индивидуальность, а позднее и использовать сложившуюся церковную организацию для того, чтобы оторваться и от Византии, и от Рима и сформировать независимые государства.

Эта эпоха, лежащая между VI и IX вв., является наиболее бедной в отношении письменных исторических документов. Вот почему использование археологических материалов здесь особенно необходимо. Результаты, уже достигнутые благодаря современным, а в некоторой степени и довоенным раскопкам славянских некрополей (в Словении — в Птуе, Бледе, Бохинье; Хорватии — в Белом Брде и Марушинце, и в Сербии — в Добраче, Белой Церкви, Брестовике, так же как раскопки, которые производятся в Дуклее, Баре и Ульцинье) — уже дали и дадут (по крайней мере мы имеем право на это надеяться) новые материалы, которые позволяют расширить и углубить исследования этого периода.

Проблема такого сложного скрещивания византийского, восточного и западного влияний, которое обнаруживается в культуре и особенно в искусстве на Балканах в эпоху классического средневековья, была уже предметом внимания многих исследователей. Но все же есть вопросы, которые еще не получили достаточного освещения, и некоторые из них касаются самого существования проблемы.

Так, например, ко времени основания архитектурной школы Рашки относят два памятника-прототипа — церковь св. Николая в Куршумлии и Студеницу. Действительно ли оба эти памятника существуют только со времени Немани, т. е. с последней четверти XII в., или же мы имеем здесь два более древних византийских памятника, первым из которых лишь стали снова пользоваться, а второй был только снабжен романскими скульптурными украшениями во времена основателя династии Неманичей? Окончательно разрешить этот вопрос означало бы в то же время понять самую суть борьбы архитектурных течений в средневековой Сербии.

Далее, мы не совсем уверены в том, что правильно указываем на истоки другой большой архитектурной школы в Моравии. Традиции двух предшествующих школ в этом районе — школы Рашки и македонской школы — весьма заметны. Однако вопрос о крестообразных планах и вопрос об истоках характерных для этой школы рельефных украшений «плетенкой» еще не решены окончательно. Не выяснена также еще роль, которую сыграли при этом Афон, адриатическое побережье (Зета), Малая Азия

и далекая Армения. (Напомним, что существование «армянских деревень» в Македонии засвидетельствовано письменными документами середины XIV в. и некоторыми другими материалами и в том числе уже достаточно известной надписью на славянском и армянском языках от 1218 г. в Витовнице).

Желание получить определенный ответ на этот вопрос не является результатом простого любопытства. Это необходимо для лучшего освещения крупных движений этнического, экономического, политического и культурного характера, движений, которые одновременно происходили в центральных районах Балкан. Решение этого вопроса позволило бы нам, в частности, лучше понять и объяснить систему основных путей сообщения, сеть которых мы можем себе представить благодаря существованию многочисленных монастырей и крепостей, которые находились на местах скрещения этих путей. Тот факт, что эти крупные военные, религиозные и гражданские постройки часто находятся друг от друга на расстоянии, равном не более одного дня пути пешком или верхом, позволяет сделать предположение, что строительство этих сооружений, даже таких, как крупные монастыри, было рассчитано — помимо всего прочего — на удовлетворение нужд путешественников — людей церкви, военных и купцов, — для которых эти сооружения служили надежным убежищем.

Эти пути сообщения, связывавшие различные области друг с другом и с внешним миром, служили одновременно каналами, по которым распространялись влияния и местные традиции, о которых мы говорили.

Это взаимодействие местной традиции с внешними влияниями приводило иногда к созданию больших художественных и культурных ценностей, таких, например, как фрески (особенно в XIII в.) в Студенице, Милешеве, Пече, Сопочанах, Градаце, где мы можем отметить проникновение в искусство гуманистических мотивов, обязанных, как это утверждал еще известный французский ученый Габриэль Милле, своим появлением славянскому элементу, и которые уже достаточно отчетливо выражены в стеной живописи церкви в Нерези. Но и вопрос об этом взаимодействии античного, византийского, восточного и западного влияний с местными мотивами, нашедшими выражение в оригинальных произведениях живописи, еще не выяснен окончательно.

Проблема надгробных камней («стећак»), в форме сплошных саркофагов, а вернее в форме жилых домов, надгробных плит и крестов, которые находят особенно в Боснии и Герцоговине, а также в Западной Сербии, в Черногории и на адриатическом побережье, еще более сложна. Мотивы битв, охоты и танцев, представленные на поверхности этих камней в виде рельефов, по технике исполнения иногда поразительно напоминающих работу по дереву, ведут нас еще к языческим, дохристианским началам, античным, восточным и славянским, хотя не исключено, что некоторые черты связаны с романским искусством и образами апокалипсиса. Нередко повторяемое в литературе объяснение, что эти памятники обязаны своим существованием исключительно богомилам, не выдерживает более критики, если принять во внимание, что мы находим их также на кладбищах и при православных и католических церквях. С другой стороны, употребление очень распространенного изображения полумесяца и существование надписи, в которой упомянуто имя некоего Махмуда Бранковича, «похороненного в своих владениях» в Бранковиче в Герцоговине, указывают на возможность мусульманского влияния уже в XV в. не только на область искусства, но также и на другие стороны жизни вообще.

Это ведет нас еще к одному важному вопросу, о котором мы должны сказать: а именно — к проблеме перехода феодально-христианского обще-

ства в общество, организованное также на феодальной основе, но проникнутое новой религиозной и политической идеологией — исламом. Очевидно, что суть этой проблемы отнюдь не сводится к вопросу о механической замене состава правящего класса, феодальной знати. Происшедшие изменения были гораздо более важными. Самым существенным здесь являлось скрещивание устойчивой туземной славянской традиции — сербской и македонской — с сильным влиянием мусульманства, причем и то и другое уже носило на себе отпечаток византийской традиции. Но и эта эпоха является для историков еще очень темной. Письменных турецких документов в самой Югославии весьма недостаточно, а к научному использованию богатых фондов средневековых документов в архивах Константинополя приступили только теперь. Результаты, которые будут получены методами археологии и истории искусства, путем изучения городских поселений, жилых домов, мечетей и других построек религиозного, гражданского и военного характера, — например, в Баре, Ульцине, Призрене, Охриде, Сараеве, Мостаре, Скопле и других местах, могут серьезно восполнить существующие пробелы.

Все эти проблемы, а я изложил лишь наиболее важные из них, связаны одна с другой, образуют цепь проблем, отражающую генеральную линию процесса развития культуры и искусств в центре Балкан. Важность и сложность этих проблем столь велики, что заслуживают изучения широко задуманным планом и требуют серьезного сотрудничества различных научных учреждений. Мы находимся только в начале этого пути. Археологический институт Сербской Академии наук уже координирует работы по археологическим изысканиям различных музеев и других археологических учреждений в Сербской Народной Республике, однако этого еще далеко недостаточно. Новый этап должен начаться с призыва к более тесному сотрудничеству с другими научными учреждениями, — Институтом византиноведения, Институтом истории, Университетом и другими учреждениями как в Сербской Народной Республике, так и в других республиках Федеративной Республики Югославии. И я надеюсь, что мы сможем рассчитывать на успешное разрешение поставленных вопросов, если в ближайшем будущем установим еще более тесные связи с соответствующими учреждениями за границей — в Греции, Турции, Болгарии и в СССР. Результаты, которые мы сможем получить на основе взаимного сотрудничества, освобожденного от национальных и религиозных предрассудков, вне всякого сомнения бросят новый свет на средневековое прошлое государств и народов Балкан.

Перевод В. П. Савиновой
